

ОМАР
КАБЕБАС

РЕВОЛЮЦИЯ В НИКАРАГУА

СТАНОВЛЕНИЕ
БОЙЦА-
САНДИНИСТА

Омар Кабегас
Революция в Никарагуа.
Становление бойца-сандиниста
Серия «Против течения»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74360766

*Революция в Никарагуа. Становление бойца-сандиниста:
ISBN 978-5-00269-503-4*

Аннотация

Никарагуа – небольшая страна, которая три раза разгромила Соединенные Штаты в неравных конфликтах: в 1932, в 1979 и в 2006. В 1979 году разгром американцев совпал с Великой Сандинистской революцией, когда власть в стране взяли левые партизаны.

Одним из них был Омар Кабегас – выдающийся студенческий лидер, а позднее герой партизанской борьбы, перед именем которого трепетали американцы.

В этой книге Кабегас рассказывает о своей полной подвигов и удивительных событий жизни, о двадцати годах в партизанских джунглях, самых дерзких операциях сандинистов и многом другом.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	5
I	33
II	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Омар Кабедас

Революция в Никарагуа

Становление бойца-сандиниста

*Посвящается национальному руководству
Сандинистского фронта национального
освобождения.*

© Кабедас О., 2026

© Кузьмищев А. В., перевод, 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

Предисловие

У этой книги – завидная судьба. Она мгновенно нашла дорогу к читательским сердцам на родине автора, в Никарагуа, где вышла самым большим в истории страны тиражом и стала для многих настольной книгой. В считанные годы она получила международное признание, имя ее автора приобрело известность в Латинской Америке, в США и в Европе.

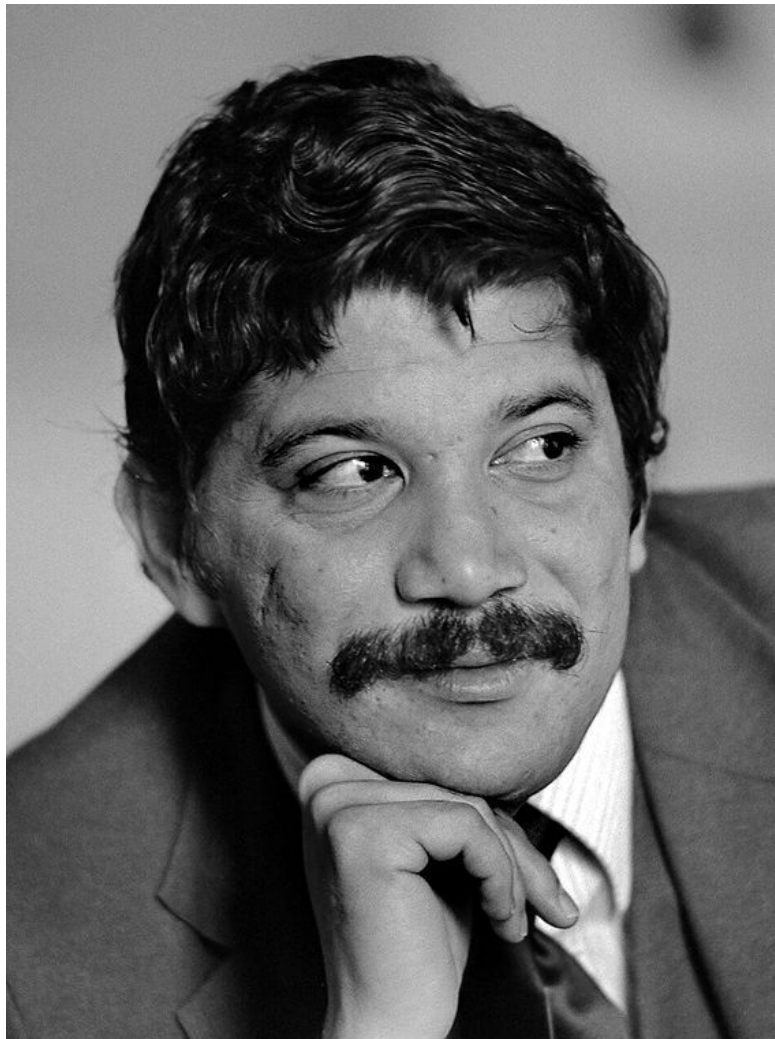
В 1982 году книге присуждается первая премия по разделу документальной прозы на международном литературном конкурсе в Гаване, который проводится кубинским издательством «Каса де лас Америкас» и считается одним из наиболее авторитетных и престижных и современном испаноязычном литературном мире.

Стоит также добавить, что в роли «крестных отцов» книги выступили такие всемирно известные мастера большой латиноамериканской литературы, как никарагуанский поэт Эрнесто Карденаль и колумбийский писатель Габриэль Гарсиа Маркес. Впрочем, об этом позднее...

А сейчас – о самом авторе. В Никарагуа имя Омара Кабесаса известно едва ли не каждому. Начальник политического управления Министерства внутренних дел, команданте де бригада Сандинистской народной армии, удостоенный почетного звания «команданте герильеро» – командир партизан, Омар Кабесас – человек легендарный.

Студенческий вожак, партизанский командир, государственный деятель — таковы основные этапы его жизненного пути. Это одновременно и этапы мужания целого поколения никарагуанцев. Той молодежи, которая на своих плечах вынесла тяготы многолетней борьбы против диктаторского режима, потеряв в ней тысячи своих лучших представителей. Это поколение, которое с оружием в руках совершило победоносную революцию и ныне является главной силой национального возрождения страны, стоит на защите революционных завоеваний народа, сражается на фронтах необъявленной войны США против Никарагуа.

Судьба Омара Кабесаса, его товарищей тесно и навсегда переплетена с историей этой небольшой страны Центральной Америки. Собственно говоря, история их жизни и есть подлинная история Никарагуа последних десятилетий. Именно они своими руками, умом и сердцем, своей жизнью и своей смертью творили и творят историческую реальность современного никарагуанского общества.

Омар Кабесас Лакайо родился в 1950 году в Леоне. По современным меркам этот город, второй по величине в Никарагуа, можно, наверное, назвать небольшим – в конце 60-х годов в нем проживало не более 50 тысяч человек. Основанный на заре испанской колонизации, в начале XVI века, Леон до середины прошлого века являлся столицей государства и по сей день остается крупным торговым и главным культурным центром страны, в том числе студенческим. Последнее сыграло немаловажную роль в жизни будущего революционера.

Выходец из семьи мелкого чиновника, Омар Кабесас провел детство в одном из бедняцких кварталов Леона, с ранних лет столкнулся с нищетой обитателей городских окраин. Позднее, уже в студенческие годы, это дало ему основание утверждать: «Происхождение у меня – самое пролетарское». Заметное влияние на формирование его жизненной позиции оказал отец, который поддерживал консерваторов, партию официальной оппозиции режиму, не только в силу семейной традиции, но и, вспоминает Кабесас, имел собственные счета с национальной гвардией – верной опорой диктатора Сомосы. И конечно, не случайно, что все три брата Омара Кабесаса также пришли в революцию; двое погибли в сражениях...

Сомоса и гвардия – для молодого никарагуанца, да еще из

«оппозиционной семьи», из бедняцкого квартала, это были не просто слова. За ними стояли конкретные события, факты, дела, трагедия тысяч и тысяч людей, трагедия народа.

Династия Сомосы, поставленная у власти американской морской пехотой в 1933–1934 годах, в течение долгих десятилетий олицетворяла прямое господство «империи доллара». Сомосистский режим представлял собою классический образец проимпериалистической диктатуры в Латинской Америке. Жестокий террор, массовые расстрелы, расправы с любым оппозиционным движением, отсутствие элементарных прав и свобод – на такой основе покоилось экономическое благополучие Сомосы, так называемой сомосистской буржуазии, включавшей многочисленное семейство диктатора и верхушку национальной гвардии.

Клану диктатора принадлежала фактически треть национальной экономики: плантации и скотоводческие хозяйства, банки и промышленные предприятия, сеть роскошных отелей и ресторанов. В конце правления Сомосы 60 % валового внутреннего продукта страны производилось на предприятиях, являвшихся собственностью диктатора и его родни. Путем жесточайшей эксплуатации трудящихся, вытеснения «несомосистской» буржуазии из всех прибыльных сфер деятельности, использования государственной казны, путем коррупции, шантажа и вымогательств семейство Сомосы награбило огромное богатство. Оно оценивалось в 2 млрд долларов, большая часть которых к моменту революции разме-

щалась в североамериканских банках. Характерно, что к той же величине приближался внешний долг страны.

Концентрация экономической и политической власти в руках Сомосы способствовала углублению в Никарагуа кризиса зависимого от империализма буржуазного общества, резкой его поляризации, обострению противоречий как между трудом и капиталом, так и между диктатурой и подавляющим большинством населения.

На этом другом полюсе никарагуанского общества концентрировались бедность, нищета, безработица, неграмотность, детская смертность и голод.

Никарагуа – аграрная страна. Промышленный пролетариат весьма малочислен по сравнению с крестьянством, составляющим половину населения, и городскими средними слоями – мелкой буржуазией и чиновниками, служащими, интеллигенцией, студенчеством. Фабричные рабочие – не более 30 тысяч человек – были распылены на мелких предприятиях. Сельский пролетариат и полупролетариат – по найму к концу 70-х годов работало около 280 тысяч человек – страдал от сезонной занятости и отсутствия постоянного места работы. Треть крестьян была лишена земельных наделов, на долю пятой части крестьянских хозяйств приходилось 1,5 % обрабатываемых земель. Доходы почти 80 % крестьянских семей не превышали 100–120 долларов в год, что не покрывало самых элементарных потребностей. Как следствие, двое из каждых трех сельских жителей голодало.

Ухудшение социально-экономического положения широких масс населения, репрессивная политика режима, открытое и грубое вмешательство США во внутренние дела страны вызывали протест самых различных общественных слоев, выливающийся в спонтанные выступления трудящихся города и особенно деревни.

Однако слабая организованность пролетариата, низкий уровень его классового сознания, преобладание реформизма и экономизма в настроениях рабочего класса, в деятельности профсоюзов, стремившихся оставаться в рамках легальности, препятствовали превращению стихийного протеста масс в организованную борьбу за свержение проимпериалистического диктаторского режима, за решение демократических, антиимпериалистических задач. Малочисленная и оторванная от масс Никарагуанская социалистическая партия (НСП), созданная в 1944 г., оказалась не в состоянии осуществить роль авангарда революционной борьбы в стране. Эту роль взял на себя Сандинистский фронт национального освобождения (СФНО).

В начале 1968 года в ряды Фронта вступает Омар Кабесас. Чтобы сделать такой шаг в то время, надо было обладать немалым мужеством. Организация никарагуанских революционеров переживала один из самых трудных моментов ее истории.

Позади остался период конца 50-х годов, когда в Никарагуа, как и по всей Латинской Америке, поднималась вол-

на освободительного движения, достигшая своего пика с победой кубинской революции. 21 сентября 1956 года никарагуанский патриот Ригоберто Лопес Перес выстрелом из пистолета казнил диктатора А. Сомосу Гарсиа, открыв тем самым этап, который он назвал «началом конца тирании...» В том же году 20-летний член НСП Карлос Фонсека Амадор организует в Национальном автономном университете Никарагуа первый в истории студенческого движения страны марксистский кружок, в который также входят Сильвио Майорга, Томас Борхе Мартинес, Освальдо Мадрис и гватемалец Эриберто Каррильо. В стране и за ее пределами одна за другой начинают возникать антидиктаторские организации. Вновь, как это было во времена героической борьбы армии генерала свободных людей Аугусто Сесара Сандино против американских интервентов и их пособников в 1926–1934 годах, формируются партизанские движения, которые пытаются развернуть активные вооруженные выступления против режима нового диктатора – Л. Сомосы Дебайле, старшего сына казненного диктатора. Но малочисленные и плохо подготовленные, действовавшие разрозненно, они в большинстве своем были разгромлены в столкновениях с национальной гвардией, прекрасно вооруженной и обученной в американских центрах военной подготовки. Эти события с особой силой подчеркнули необходимость объединения антисомосистских сил.

23 июля 1961 года в Тегусигальпе, столице Гондураса,

К. Фонсека, С. Майорга, Т. Борхе и сподвижник Сандино полковник Сантос Лопес создают новую революционную военно-политическую организацию – Фронт национального освобождения. На первых порах в ней насчитывалось всего 12 человек, год спустя – 60. В 1963 году Фронт принимает название Сандинистского, подчеркивая тем самым преемственность поколений и верность идеалам Сандино. Говоря о характере Фронта, К. Фонсека писал, что он является «авангардом тех слоев населения, которые идентифицируют себя с рабочим классом и руководствуются философией научного социализма». Позднее К. Фонсека отмечал, что «победа кубинской революции укрепила мятежный дух никарагуанцев. Идеи В. И. Ленина, пример Фиделя Кастро, Че Гевары, Хо Ши Мина были восприняты Сандинистским фронтом национального освобождения, который вступил на путь партизанской борьбы». Столь же четко К. Фонсека определил цель Фронта – «нанести поражение преступной и предательской камарилье, которая в течение многих лет узурпирует власть, и одновременно помешать тому, чтобы послушные американскому империализму капиталистические оппозиционные силы... пришли к власти». При этом подчеркивалось, что «главный враг – это не местная реакционная камарилья, которую можно было бы уничтожить в результате последовательных действий. Речь идет о выступлениях против давнего врага – «империи доллара» В том же 1963 году, осуществив ряд успешных акций, Фронт терпит крупное по-

ражение в районах рек Коко и Бокай, на севере страны, близ границы с Гондурасом.

Наконец остались позади, но еще свежи в памяти события 1967 года: героическое сражение сандинистов в самом центре страны, в горном районе Панкасан, где вошедшая в партизанскую зону сомосовская гвардия навязала Фронту бои, к которым он пока не был готов и потерпел новое крупное поражение. В этот же период происходит разгром и обескровливание партизанских движений в Гватемале, Перу и некоторых других странах континента; гибель в Боливии Эрнесто Че Гевары... Омар Кабесас приходит в ряды сандинистов в то время, когда руководство организации осмысливало уроки борьбы и вырабатывало новую тактику. Из поражения в Панкасане оно делает, как писал Т. Борхе, тот основной, принципиальный вывод, что «создание СФНО было исторически закономерно, явилось неизбежным результатом многолетней борьбы народа. Политический авторитет Фронта становится еще более весомым».

Вступив в этап скрытого накопления сил, СФНО по-прежнему исходит из общей стратегии революционной народной войны, о которой К. Фонсека, основываясь на опыте 1961–1967 годов, писал: «...народные массы без оружия обречены на поражение так же, как обречено на поражение оружие без масс. Путь к победе лежит через параллельное укрепление борьбы масс и вооруженной борьбы». В условиях, когда пролетариат Никарагуа еще очень молод, плохо организован и политически малоактивен, важнейшей задачей Фронта, по мнению К. Фонсеки, являлось вовлечение рабочего класса в революционную борьбу, подготовка его к выполнению исторической миссии. Особую роль в решении этой задачи он отводил студентам: «Революционные студенты, студенты с пролетарским сознанием, должны установить прочные связи с рабочим классом и крестьянством».

Несмотря на тяжелые потери, Фронт не прекращает работы по созданию подпольной военно-политической структуры, организации первичных ячеек на предприятиях, в учебных заведениях и в городских кварталах бедноты, по подготовке партизанских формирований. Одновременно продолжается теоретическая работа – завершается разработка «Исторической программы СФНО 1969 г.», получившей известность как программное наследие Сандино, устава организации, документов о генеральной линии и страте-

гии СФНО, в которых был дан анализ социально-политической обстановки в Никарагуа. Главными программными целями борьбы провозглашались свержение бюрократического и военного аппарата диктатуры, захват политической власти в стране и создание революционного правительства, основанного на союзе рабочего класса и крестьянства при участии всех патриотических и антиимпериалистических сил страны, установление такой общественной системы, которая ликвидировала бы эксплуатацию и нищету в Никарагуа. В 1969 году проводится реорганизация Национального руководства СФНО, его генеральным секретарем назначается К. Фонсека.

Расширяя свои ряды, Фронт требует от каждого члена организации овладеть практикой как массовой, так и вооруженной борьбы. Именно такой путь проходит и Омар Кабесас, путь, на котором формируются качества, необходимые бойцу-сандинисту, революционеру, руководителю масс, партизанскому командиру.

Особую роль в становлении политических взглядов Кабесаса сыграли его друзья – один из активных деятелей Фронта Хуан Хосе Кесада, погибший в сентябре 1973 г., и Леонель Ругама, которого Э. Карденаль назвал «нашим талантливейшим поэтом» (его жизнь оборвалась в возрасте 20 лет в январе 1970 г., когда вместе с двумя бойцами СФНО он принял бой против целого батальона сомосовских гвардейцев).

Став студентом юридического факультета Национального

автономного университета, того самого факультета, где начиналась политическая деятельность К. Фонсеки, Омар Кабесас сразу же включается в активную политическую жизнь. Благодаря способностям, энергии, таланту оратора, он вскоре выдвигается в первые ряды революционно настроенных студентов, становится одним из лидеров Революционного студенческого фронта. Участвует в организации кружков и групп по изучению революционной теории, которые в дальнейшем превратились в ячейки СФНО, руководит массовыми выступлениями за осуществление университетской реформы. Параллельно с работой в университете принимает участие в создании сети кружков в школах и на городских окраинах Леона, обеспечивает подпольные явки для партизан, словом, делает то, что ему поручает Фронт, что было необходимо в тот или иной момент.

Росарио Мурильо

Годы, проведенные в университете, – время обретения опыта самостоятельной политической работы, овладения знаниями, изучения марксистско-ленинской теории. «Я в основном читал тогда исследования по социологии и работы по марксизму, – вспоминает Омар Кабесас. – Меня даже крити-

ковали за то, что я плохо знаю художественную литературу. ... Я однажды сказал одной своей знакомой, читавшей странную книгу сеньора Кортасара – квадратную по формату, называвшуюся «Конец игры», – что неплохо было бы ей почитать Ленина или что-либо об империализме или какую-нибудь другую полезную вещь, а она читает «лирику».

Но главный итог этих лет для Омара Кабесаса и его товарищей – осознание того, что народ и Фронт мыслили одинаково, и поэтому немногочисленная группа людей в состоянии вести за собой народные массы, они – и Фронт в их лице – являются реальной силой, которая способна, возглавив народ, разбить гвардию, свергнуть ненавистный режим Сомосы.

Об этом периоде деятельности СФНО К. Фонсека писал: «В городах наблюдается тенденция к восстановлению материальных и людских сил, и можно рассчитывать на продолжение борьбы. Возобновляется и организованная студенческая деятельность, планируется и проводится, хотя и скромная по своим масштабам, работа с трудящимися города и деревни. Распространяются листовки на заводах и фабриках, на предприятиях средств связи, установлены контакты с некоторыми районами в департаментах Эстели и Гранад, вовлечены в работу студенческие активисты университетов Манагуа и Леона...».

Благодаря политико-организационной работе среди масс в 1970–1974 годах и совершенствованию внутренней струк-

туры самой организации, Фронту удалось сделать большой шаг вперед в накоплении военных, материальных и политических сил, создать предпосылки для военно-политического наступления СФНО против диктатуры.

В 1974 году, после шести лет легальной работы, Фронт направляет Омара Кабесаса в горы, в партизанский отряд. Начинается новый этап в его жизни.

Этому периоду в книге отведены многие, пожалуй, самые яркие и впечатляющие страницы.

Сумев извлечь уроки из прошлых неудач, Фронт нацелил партизанское движение на проведение тактики уклонения от боев и дальнейшего накопления сил с тем, чтобы вести боевые действия не тогда, когда того хотела гвардия, а когда сами партизаны считали момент для поенных выступлений наиболее подходящим.

Главным в тот период являлась подготовка бойцов-сандинистов – политическая, военная, психологическая, физическая. «В горах, – писал К. Фонсека, – имеются возможности для быстрой подготовки бойцов и командиров. ...Трудные условия жизни в горах позволяют в считанные дни подвергнуть проверке революционные качества бойца, в то время как в городе на это требуется немало времени».

Омару Кабесасу удалось выдержать нелегкое испытание горами.

В дни, когда О. Кабесас находился в горах, Фронт проходит крупную политическую акцию. 27 декабря 1974 года,

вскоре после того, как А. Сомоса становится президентом на новый шестилетний срок, отряд сандинистов «Хуан Хосе Кесада» захватывает дом бывшего сомосовского министра, когда тот давал прием в честь посла США. Этим СФНО хотел привлечь к событиям в стране внимание мировой общественности и повлиять на сознание никарагуанского народа. Одновременно в обмен на заложников – высших государственных чиновников и послов – отряд требует освобождения пленных сандинистов, среди которых находился команданте Даниэль Ортега, выдачи 5 миллионов долларов, повышения минимальной заработной платы трудящимся и жалования солдатам национальной гвардии, опубликования в печати и по радио двух заявлений СФНО. Режим был вынужден в основном принять эти требования. Но главная цель – усилить позиции бойцов, сражавшихся в горах, – не была достигнута. Диктатура Сомосы ответила на акцию партизан чудовищной волной террора в городе и деревне; в стране было введено военное и осадное положение; многие тысячи людей были убиты или «бесследно исчезли».

Проведение этой акции СФНО способствовало росту симпатий в народе к его деятельности, что, однако, не означало решительного поворота в сторону поддержки сандинистов. Предстояла еще трудная работа по мобилизации масс, повышению уровня их политического сознания.

Вернувшись в Леон, Омар Кабесас находится на нелегальном положении. Вскоре Фронт направляет его на север стра-

ны, где он назначается членом регионального руководства СФНО, отвечает за военное обучение в одной из партизанских школ. Снова горы...

Книга обрывается на рассказе о событиях середины 1975 года.

Впереди были военные неудачи сандинистов в 1975–1976 годах, гибель основателя, теоретика и генерального секретаря Фронта Карлоса Фонсеки Амадора, раскол СФНО в связи с разногласиями по вопросам тактики на три течения.

Впереди было военное выступление Фронта в конце 1977 года, ускорившее возникновение революционной ситуации в Никарагуа. В ходе сентябрьского восстания 1978 года, охватившего пять крупнейших городов страны, которое сумел возглавить СФНО, действия революционной авангарда и борьба масс были подняты на качественно новый уровень. Последовавшая затем невиданная по масштабам и жестокости расправа над восставшим населением лишь усилила решимость народа бороться до полного уничтожения диктатуры.

Впереди был последний штурм власти, начавшийся в мае 1979 года. После двух месяцев кровопролитных боев, стоивших жизни 50 тысячам никарагуанцев, режим пал. 19 июля части СФНО торжественно вошли в Манагуа.

Сандинистская революция победила. Позади осталось двадцать три года борьбы...

* * *

Книга Омара Кабесаса – это рассказ о жизни молодого никарагуанца, о его вступлении в ряды СФНО, борьбе,обретении опыта, о сомнениях и слабостях, потерях и разочарованиях, о мужестве и героизме. Повествование сосредоточено главным образом на раскрытии процесса духовного

развития героя и окружающих его людей. Конечно, читатель встретит на страницах этого произведения рассказ о некоторых эпизодах революционной борьбы, с интересом познакомится с рядом деятелей Фронта, среди которых – члены Национального руководства Байером Арсе, Хенри Руис, Карлос Агуэро, Эдгар Мунгийя, а также Рене Техада. Его, несомненно, привлекут точные политические наблюдения автора, обобщения опыта революционного творчества масс. И все же в центре произведения – до предела искренний и потому приобретающий более общее гуманистическое значение рассказ о становлении человека, вышедшего на борьбу за новый мир и готовящегося к созиданию этого нового мира, о трудном процессе переделывания самого себя, возвышения над самим собой.

«Моя книга, – говорил Омар Кабесас в одном из интервью, – это скорее не политический акт и не эпический опус на военную тему, а рассказ о том, как люди становятся революционерами и героями. Герой – человек, и каждый из нас в принципе может стать героем. Я писал правду о революции».

Книга О. Кабесаса – это размышления о судьбах Никарагуа, народа, человека в современном мире, требующим занять определенную нравственную и политическую позицию, размышления, которые отличает особая острота видения. Они пронизаны мужеством и добротой, жизнеутверждением и стойкостью.

Сам автор категорически настаивает на том, что его книга

– это не беллетристика, что она не обладает никакими литературными достоинствами; он предпочитает говорить о ней как о воспоминаниях, своего рода заметках вслух, запечатленных на бумаге, ссылаясь, в частности, на то, как эта книга была сделана, как она увидела свет.

Вот как Омар Кабесас рассказывает о работе над книгой: «...это целая история. Первой идет Пилар Ариас – журналистка, американка мексиканского происхождения, которая приехала в Никарагуа во время войны как военный корреспондент. Она была корреспондентом на Северном фронте... После того как закончилась война, она уехала и потом вернулась, чтобы написать книгу... Это была как бы история революции, составленная из ответов на вопросы... Она позвонила мне и сказала, что хочет проинтервьюировать меня... Мы записали два-три интервью. Потом она вдруг звонит по телефону, находит меня и говорит: «Послушайте, команданте, мне нужно встретиться с вами, и дело важное». ... Она принесла с собой папку для бумаг. Протянула ее мне и сказала: «Вы прирожденный писатель и просто не знали этого». Я раскрыл папку, начал читать. Это было мое интервью. «Вы писатель, и пишите!»

Я не очень-то поверил, мне казалось подозрительным, чтобы так сразу можно было стать писателем... И я показал машинописный текст Насарене Навас. Я сказал Насарене: «Видишь ли, одна ненормальная журналистка выдумывает то-то и то-то. Здесь вот все это. Что ты думаешь об этом?» ...

И она сказала: «Здорово! Это литература... Надо писать!» – «Писать? Нет!» – «Ну хорошо, значит надо записывать на магнитофон...»

Это меня заинтересовало. И я начал наговаривать на магнитофонную пленку. Записали первую часть, страниц 25, и она мне говорит: «Покажи это Серхио (Рамиресу) и Эрнесто (Карденалу). Что они скажут?» Я показал. «Да, сказали они, – это литература». Но я все же подумал, что они это сказали из хорошего отношения ко мне. Я не поверил. Тогда они договорились с моей секретаршей, нашли этот кусок и опубликовали его без моего ведома во втором номере журнала «Никарауак» (его главным редактором является Э. Карденаль, министр культуры Никарагуа). И когда приехал Гарсиа Маркес и мы встретились с ним в одном доме, он в присутствии многих приглашенных вдруг сказал (а разговор шел о политике): «Я только что прочитал одну пещь, очень хорошую, автор ее – команданте Омар Кабесас». Я признался, что автор этой вещи. А Маркес продолжал: «Это литература, и настоящая». Все же я не решился признаться, каким образом это было сделано.

Начиная с этого разговора «общественное давление», которое оказывалось на меня с тем, чтобы как-то заставить писать, стало расти. И тогда я начал записываться».

Действительно, книга Омара Кабесаса лишена точного плана или схемы. Но именно это, а также своеобразная авторская манера изложения придают ей особое очарование.

В странах Латинской Америки произведение Омара Кабесаса расценили как новое направление в литературе Никарагуа. По мнению критики, это – не книга в привычном смысле слова, но разговор, беседа, доверительное, глубоко личностное общение с читателем. Благодаря своей неподдельности, исторической ценности, человеческой теплоте, эта книга «уходит корнями в реальную жизнь и наполнена жизнью», подчеркивалось в решении международного жюри в Гаване.

Книга Кабесаса написана на «чисто никарагуанском» языке, на языке народа, полном сочных выражений и соленых высказываний, ясном и доходчивом, лишенном строгой стилистической формы; а нередко – и правильного построения фраз. И даже форма рассказа – та, которая распространена среди никарагуанцев. Особое течение в этой работе, отмечала, например, мексиканская критика, имеют «не предложения, строки, абзацы или главки, но сами слова: слова-вещи, слова-предметы, слова-чувства, слова-мысли, слова-действия».

Сандинисты в бою при Леоне

Характерны в этой связи причины, побудившие автора дать книге такое, несколько странное для условий Никарагуа название: ведь в этой стране нет степей. О. Кабесас рассказывает: «Заголовок связан с детскими впечатлениями. Когда я учился в начальных классах, у меня была книга по географии, где каждое определение иллюстрировалось. Например, вулкан – давалось определение вулкана, остров – фотография острова, залив – фотография залива, степь – определение степи и фото. Эти детские картинки из книги врезались в память на всю жизнь. Однажды в горах я поднялся на самую высокую вершину, посмотрел вокруг, и на 360° внизу все было зеленым. То, что я видел, было огромным зеленым ковром. Так выглядели сверху кроны деревьев. Я вспомнил

изображение из моей детской книги по географии. Образ огромной зеленой степи. И сразу же сказал себе: нет, горы – это нечто большее, чем бескрайняя зеленая степь».

Горы для Омара Кабесаса – это символ гигантских трудностей, мужества и братства, символ страны и революции. Горы – это крестьяне, несущие в своей памяти времена героической борьбы Сандино, люди, на которых держится земля. Горы – источник, питающий революционный поток, остановить который невозможно...

Успех книги О. Кабесаса не случаен. И дело не только в мастерстве автора. Он отразил острый, устойчивый, возрастающий интерес к никарагуанской революции, к ее истории. Поэтому автор готовит вторую книгу, в которой он намерен продолжить повествование о своей жизни, довести его до победы революции в 1979 году. Рассказав правду о сандинистской революции, о ее героях и рядовых борцах, о ее глубоких национальных корнях и традициях, уходящих в историю страны, Омар Кабесас внес ощутимый вклад в разоблачение той кампании лжи и клеветы, которую проводят правящие круги США, многие американские средства массовой информации в отношении революционной Никарагуа. Их цель – воспрепятствовать росту международной солидарности с никарагуанским народом, создать благоприятные условия для прямого военного вмешательства во внутренние дела этой суверенной страны. Они стремятся остановить, повернуть вспять углубляющийся процесс социаль-

но-экономических преобразований, процесс национального возрождения страны.

Неодолимым препятствием на этом пути выступает решимость никарагуанского народа с оружием в руках защищать революционные завоевания, продолжить дело, начатое генералом Сандино, за которое отдали жизни тысячи и тысячи патриотов.

И одним из ярких подтверждений неодолимости никарагуанской революции является судьба Омара Кабесаса, его поколения – главного героя этой книги.

I

Припоминаю, что вступил я в Сандинистский фронт национального освобождения (СФНО) по окончании школы. Это было где-то в марте или апреле шестьдесят восьмого года. Следовательно, после январской бойни 1967 г., которую я хорошо запомнил. В тот день мы, несколько товарищей по учебе, бродили по предрассветным улицам. Вдруг эти сукины дети, гвардейцы, нас остановили и поставили лицом к стене. Оказалось, что не то накануне вечером, не то в ту же ночь в Манагуа) была резня. А мы-то ничего не знали о ней. Ведь и радио, и газеты об этом молчали.

В детстве мне случалось видеть, как гвардейцы избивали пьянчуг, скандаливших в располагавшейся на нашей окраине кантине, которая принадлежала одной толстой сеньоре. (Она, кстати, поколачивала своего мужа, и это заведение называли именем хозяйки.) Так вот, появлялись гвардейцы, и туго приходилось пьянчугам. Это наложило отпечаток на мои первые впечатления о гвардии. Ведь эти дикари били людей прикладами. Причем до крови... Я, как и всякий ребенок, боялся крови. Пьяницы и их скандалы тоже наводили на меня ужас, хотя сами по себе пьяные потасовки забавляли нас и вызывали смех. Но только если это обходилось без вмешательства гвардии.

Мой первый конфликт с гвардией произошел, когда я

уже стал студентом университета. Но не поэтому я вступил в Сандинистский фронт национального освобождения. На то было много причин. Во-первых, мой отец был из семьи, принадлежавшей к оппозиции; он был членом Консервативной партии. Я помню, как однажды на нашу окраину пришел Агуэро, такой лысый старик с большим кадыком. Он выступал на митинге, взгромоздившись на какой-то стол. Мой отец тянулся над столом, с которого говорил Агуэро, поддерживая электрошнур с лампочкой. Дело-то было ночью. Вдруг погас свет. Все погрузилось во тьму. Тут мой отец громко произнес: «Да будет свет!» – и весь квартальный люд начал кричать: «Да будет свет! Да будет свет!...» Тогда я ощутил себя сыном очень важной персоны. Ведь люди вторили тому, что говорил мой отец. А потом и свет зажегся.

Во-вторых, близость с Хуаном Хосе Кесадой. Мы познакомились в старших классах школы, но основательно сошлись, когда вместе учились на первом курсе университета и позднее, когда мы оба стали изучать право.

Хуан Хосе был человеком необычным. Высокий, худой и жилистый, он, однако, не производил впечатления громаилы. Его можно было принять за иностранца. Пожалуй, за немца.

Хуан Хосе был сыном не слишком преуспевающего врача. Я знал клинику этого сеньора, находившуюся на Проспекте Дебайле. В ней не было красивых кресел и кроватей, как в клинике доктора Альсидеса Дельгадильо, вывеска которой гласила: «Др. Альсидес Дельгадильо, врач-хирург с па-

рижским дипломом». Отец рассказывал мне, что этот сеньор некогда отправился учиться во Францию на корабле и провел в плавании целый месяц и что знал этот доктор многое...

Итак, я говорил, что Хуан Хосе был жилист, высокого роста и внешне походил на немца. Он был сыном доктора и одной бедной сеньоры. Доктор часто ругался со своей женой. Она и впрямь была очень несчастной женщиной. Сам же доктор был высоким мужчиной со светлыми волосами и довольно тонкими чертами лица – почти как у классических греческих статуй. Это был человек с располагающей внешностью, но старомодный. От него исходил очень специфический запах, я думаю, брильянтина (его продавали завернутым в кусочек бумаги, он был красного, зеленого или голубого цвета. Продавщица подцепляла этот брильянтин деревянной палочкой и заворачивала в бумагу).

Припоминаю также, что Хуан Хосе в то время был единственным, кто носил потертые брюки из дерюги с простроченной стрелкой, что уже тогда было не модным (сейчас же это называется в стиле Джона Траволта). Брюки из дерюги и ветхая рубашка. Ее он заправлял в брюки только по нашей просьбе, когда мы шли на гулянья... Были у него и другие брюки, дакроновые, черного цвета. Вот эти-то он подпоясывал. Ясно, что подобная одежда, а носил он ее постоянно, как бы скрадывала, во всяком случае не давала разглядеть стройную, сильную фигуру.

Я восхищался Хуаном Хосе. Особенно его физическими

данными – он был каратистом и дзюдоистом. В карате это был дьявол. Перед операцией по захвату самолета ЛАНИКА Хуан Хосе зашел ко мне домой проститься. Но не сказал, что уезжает. Попросил одолжить фотоаппарат и унес его. Я смутно подозревал, лучше сказать, я знал, что он из Фронта и что собирается что-то совершить, потому что, уходя, он сказал: «О'кей, Худышка. Свободная родина или смерть!» Услышав это, я понял, что камера ему была нужна для чего-то, что было связано с Фронтом. Понятно? Да, это был последний раз, когда я видел его и свой фотоаппарат. Потому что он, дабы походить на туриста, садясь в самолет, повесил камеру на себя. А узнал я об этом из рассказа летевшего с ним в самолете Федерико. Хуан Хосе и был как раз тем, кто привел меня во Фронт.

Еще желторотым юнцом в университете я начал прислушиваться и присматриваться к окружающему миру, и, ясное дело, меня стала привлекать борьба против диктатуры. Я начал принимать участие в манифестациях и собраниях, не примыкая, однако, к какой-либо студенческой политической организации. С одной стороны, эта деятельность мне нравилась или, точнее, привлекала меня, ибо она была направлена против диктатуры, против Сомосы, против гвардии. А с другой стороны, начало проявляться и классовое чутье. Я ясно осознавал, что происхожу из пролетарской семьи, и когда в университете заходила речь о несправедливости, нищете, я вспоминал нашу окраину – бедняцкое предместье. В моем

квартале было только шесть домов: одни деревянные, другие глинобитные, побеленные известью, как тот дом, где жила донья Лупе, жена дона Кандидо, которую, несмотря на то, что она была старенькой, мы звали донья Лупита. Так вот, мы, ребяташки, когда этот дом красили, проводили по его стенам ладонями, чтобы потом выкрасить себе лицо в белый цвет. Размазывая друг друга, мы поднимали такой крик, что на пороге своего дома, с хворостиной в руках, появлялась донья Лупита, чтобы отстегать нас. Но она была старенькой и поймать нас ей не удавалось. Вот тогда она шла жаловаться к моей матери. А уж та-то нам выговаривала, что нет у нас ни стыда, ни совести, и что мы словно собаки бездомные, и лучше уж шли бы домой поливать внутренний дворик, чтобы осадить стоявшую столбом пыль. Ведь наша улица не была вымощена, и летом пылица поднималась такая, что, когда мы ели, тарелка покрывалась кофейным слоем пыли. Мы прикрывали тарелку руками, но пыль все равно туда попадала и скрипела на зубах. Моя мама говаривала: «Ешьте, ешьте скорее, не то вам «корица» насыпется».

Впрочем, отступление это, видимо, уже наскучило. Так вот, Революционный студенческий фронт (РСФ) придерживался классовой линии. Эта четкость мне нравилась. И парадоксальность ситуации заключалась в том, что сначала Хуан Хосе привлекает меня к работе в Сандинистском фронте национального освобождения, а уж потом Эдгард Мунгия, не зная об этом, меня в ряды РСФ.

Однажды Хуан Хосе приходит ко мне и говорит: «Худышка, послушай... а не хочешь ли ты еще больше связать себя с народом и организацией?» «Упаси, господи! – подумал я про себя, – уж знаю, что это за дерьмо, знаю, к чему он клонит». Я знал, что однажды это должно было со мной случиться, потому что не счесть, сколько раз я уже слышал об этом. Особенно от социал-христиан, от преподавателей, от родителей, которые говорили об этом своим дочерям и сыновьям, приезжавшим в Леон учиться, и жившим в больших и престижных домах Леона, и завтракавшим у мамыши Кончи. Они говорили своим детям, чтобы те не вмешивались в политику, что политика доведет только до тюрьмы и до кладбища. Что политика – для взрослых, а не для деток малых, у которых нет ни положения в обществе, ни доходов. Предостерегали, чтобы они не связывались с теми, кто из Революционного студенческого фронта и Университетского центра Национального автономного университета Никарагуа (КУУН), ибо те симпатизируют русским и Фиделю Кастро и, помимо того, коммунисты – атеисты... Чтобы не связывались ни с теми, кто из КУУН, ни с теми, кто из РСФ, поскольку из СФНО ими верховодили коммунисты, что приезжают из России и с Кубы и посылают людей, которые для них все равно, что навоз ослиный, погибать в горы. Что юношу, связавшегося с КУУН, затем передают в РСФ, а оттуда в СФНО, дабы послать потом в горы. Все это прокрутилось у меня в голове. Но подумалось и другое: как Хуан Хосе, такой хороший парень,

мог вляпаться в это. И я сказал себе: «Будь, что будет, если Хуан Хосе занимается этим, то значит те, кто за ним стоит, неплохие ребята!...» Однако вне зависимости от того, хороши они или плохи, я боялся погибнуть. А еще была у меня скрытая надежда, что его предложение не связано с тем, о чем я думал. И тогда я спросил: «Что ты мне предлагаешь? КУУН или РСФ?» «Нет, – говорит он мне, – Фронт...» А затем добавляет: «Церковь». Это слово меня взволновало еще больше. Так было закодировано название СФНО. Вот так я впервые в жизни принял ответственное решение. Я знал, что могло со мной случиться, но раз пока все шло нормально... Самое лучшее – не думать об этом. А когда задумаешься, то сердце у тебя прямо заходится, хотя никто этого и не замечает. Спокойствие возвращается, только когда перестаешь думать. Так развивается внутренняя борьба. Причем со временем такие мысли все больше и больше захватывают тебя. Даже... даже когда ты с девчонкой.

Я представил себе, что и меня пошлют подкладывать бомбы... а ведь недавно Рене Каррион подложил бомбу, и его убили в тюрьме... И еще – горы... Вспомни-ка, только-только прошла резня в Панкасане ... я напредставлял себе столько всякого... и чем больше я себе представлял, тем больше охватывал меня страх. Но перед Хуаном Хосе я, разумеется, держался как можно серьезнее и спокойнее, потому что перед ним я не мог выказать себя трусом. Однако я все-таки думал обо всех этих вещах. Но думал я и о своей окраине.

А знаешь, ведь тогда у меня не было твердых убеждений, я не был теоретически подкован. Ни в коей мере. Более того, у меня были весьма смутные представления о марксизме. Ну, что это такое, хорошо это или плохо. И тогда, больше из доверия к Хуану Хосе лично, чем из-за своих убеждений, я сказал: «Ладно, старина, идет...» Это было скорее вопросом мужской чести. То есть я сознавал, что хочу бороться против диктатуры. Но не был уверен, что выполню принимаемое тем самым на себя обязательство со всеми вытекающими из него последствиями. Больше, чем уверенность, были страх и сомнения или еще что-то, что я тогда ощущал.

Политические убеждения вырабатываются постепенно. Конечно, есть товарищи, у которых этот процесс был иным. Но в данном конкретном случае, то есть для меня, все складывалось именно так.

Хуан Хосе похлопал меня по спине и улыбнулся. «Хорошо, — сказал он, — тогда я сведу тебя кое с кем. В такой-то день и в такое-то время на углу, напротив церкви «Сарагосы», к тебе подойдет парень небольшого роста лет двадцати, которого ты, возможно, знаешь. У него курчавые волосы, подстриженные сзади. Очки с позолоченной дужкой... Он тебе скажет: «Ты Омар Кабесас?» И ты ответишь: «Да, да, да, тот самый из «Сан-Рамона».

Я пошел на место встречи. Ко мне подошел парень и сказал: «Как дела, Омар?» — словно мы были старыми знакомыми. Я так и обомлел, поскольку решил, что вижу его впервые.

А оказывается, что я просто не узнал его, потому что он сильно изменился. Это был мой товарищ по начальным классам коллегии «Сан-Рамон». Он готовился стать священником и поступил в семинарию в Манагуа, затем учился в Гондурасе, а потом, оставив семинарию, ушел к партизанам. Это был Леонель Ругама, мой первый руководитель в СФНО.

II

В страстную неделю мой город – это город-призрак, облаченный в какие-то средневековые одеяния. Жарко в Леоне в дни страстной недели, очень-очень жарко. Мостовая нагрета, пыль горячая, сиденья автомобилей и скамейки в парках обжигают, и вода, которую пьешь через соломинку, теплая. Все горячее в этом городе в страстную неделю. Даже волосы на голове обжигают. Горячи и мысли... Пойми меня, жарко в Леоне в страстную неделю. Представь себе, так жарко, что даже машины почти не ездят по улице. В центре города – ни души. Все, у кого есть возможность, уезжают к морю. Я имею в виду буржуазию, проживающую в вымощенном городском центре. В городе увидишь только собак, бредут краем тротуаров, прямо там, где ходят люди, потому что там есть хоть немного тени. Впрочем, эта тень тоже горячая. И видно великое множество собак, быстро семенящих, почти несущихся по улице с остекленевшими глазами и стекающей из пасти пеной... Собаки эти бегут, мчатся не осматриваясь по сторонам, не зная, куда же наконец занесет их (думаю, что и оглядеться-то им жарко). Таков Леон в жару.

В эти дни закрыто все... И магазины. И даже жилые дома. Единственное место, где открыто, так это у Прио, чье заведение на углу парка, в доме колониальной постройки с двойной дверью, всегда распахнутой настежь. Когда немного за-

дувал ветер, деревья парка, освежая воздух, делали его порывы не столь обжигающими. (Я хочу убедить того, кто это читает, что Леон – место жаркое. Что это не моя выдумка... что там страшная жарища...)

Так вот, как я уже говорил, заведение Прио представляло собой двухэтажный дом колониальной постройки с выходящими в парк балконами. Там стояло с десятков столов со старинными креслами. Еще помню, что у него был почти отживший свой век проигрыватель. Старый, но мощный – слышно его по всему парку, где обычно никого не было. Разве что тот или иной завсегдатай, присевший на какую-нибудь скамейку в тени деревьев. Обычно эти люди глазели на немногие проезжавшие мимо автомашины. Лишь только слышался шум – еще до того, как сам автомобиль появлялся у угла парка, – а они уже размышляли о том, что это будет за машина. А когда она представала их взору, пялили на нее глаза, пока автомобиль не сворачивал за другой угол парка и не исчезал из виду. Долгое время в моем городе это оставалось единственным развлечением в страстную неделю.

Прио был знаменит тем, что у него были пластинки с классической музыкой. Да еще у него готовили прекрасное фруктовое мороженое и вкуснейшие сласти в виде малюсеньких кусочков, называемых «ослицино молоко».

Прио был белокожий мужчина низкого роста, для своих 60 лет довольно подвижен. Его обвиняли в антиклерикализме, поскольку он на полную мощность гонял на своем проиг-

рывателе песни из кинофильма «Иисус Христос – суперзвезда», который показывали в театре «Гонсалес», находившемся в другом углу парка. Монашенки из коллегии «Успения Богородицы», проживавшие в третьем углу парка, сходили было посмотреть этот фильм, но ушли с половины, сказав, что он – ересь и богохульство. Они-то и возмущались поведением Прио, потому что музыка из «Иисуса Христа...» была слышна даже в коллегии, где обучались все девочки-интернатки города.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.